

начали надъ нею насмѣхаться и осуждать ее. И брови-то она красить, и кокетничаетъ какъ молоденькая, и глупа-то она какъ пробка. А на самомъ дѣлѣ она очень добра, и душа у нея хорошая. Она много помогаетъ бѣднымъ. Правда, она немного смѣшна, но вѣдь въ каждомъ человѣкѣ есть недостатки. И тогда лучше же прямо сказать ему это въ глаза, чѣмъ насмѣхаться надъ нимъ въ его отсутствіи.

„Нѣтъ, съ каждымъ днемъ мнѣ становится все тяжелѣе и тяжелѣе здѣсь жить. Все меня мучить и тяготить. Въ своей семьѣ я точно чужая. А Володьку я положительно ненавижу. Особенно меня возмущаетъ его обращеніе съ дядей. Онъ съ нимъ почти ничего не говоритъ, а если и случается заговорить, то смотритъ на дядю высокомерно и презрительно. Этого я не могу выносить; во мнѣ такъ все и загорится. По совѣту Демида, я молюсь, но молитва мнѣ уже не помогаетъ. Что это за молитва, — сухая, холодная, неискренняя? И развѣ поможетъ молитва не видѣть обружающей меня лжи и фальши? Чтобы быть спокойнымъ, надо уйти отъ міра, какъ это сдѣлалъ Демида. А вѣдь я стою съ этимъ міромъ лицомъ къ лицу. Во мнѣ даже какая-то особая проницательность развилась въ послѣднее время: я вижу всѣхъ людей точно насквозь. И какъ они мнѣ противны бываютъ подчасъ! Говорятъ, передъ смертью человѣкъ отличается проницательностью: не умру ли и я скоро? А если и не умру, то навѣрное со мною случится какое-нибудь страшное несчастье. По временамъ на меня нападаетъ страхъ: я начинаю бояться себя, людей, будущаго... Что это такое?“

„А можетъ быть, это только я такая странная, всѣ люди — самые обыкновенные, и въ жизни ничего страшнаго нѣту. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нѣтъ у меня ни друзей, ни знакомыхъ. Я ко всѣмъ боюсь подойти; мнѣ кажется, что я всѣмъ буду въ тягость. Вотъ, на Крутой Шишкѣ были же дѣвушки, такія же, какъ и я, но я не могла съ ними познакомиться и заговорить. Онѣ такія веселыя, а я не могу также, по ихнему, смѣяться, разговаривать, веселиться. Меня всегда что-то гложетъ. Зачѣмъ же я буду нарушать ихъ веселье своей печальной фигурой? Я такая необразованная, деревенская, простая дѣвчонка. Вотъ и дядя Додя... Онъ тоже меня избѣгаетъ. Гуляетъ одинъ, читаетъ одинъ; а когда я прохожу мимо него, онъ смотритъ на меня такимъ страннымъ печальнымъ взглядомъ. А бывало“...

Леночка не докончила, потому что въ окно вдругъ влетѣлъ огромный букетъ ландышей, еще обрызганныхъ утреннею росой, и упалъ прямо на недописанную страницу. Лена вздрогнула и